

Ошо, также известный как Багван Шри Раджниш,— просветленный Мастер нашего времени. Ошо означает «подобный океану», «благословенный».

В этой серии бесед Ошо комментирует сутры Мастера Атиши — «Семь Искусств Тренировки Ума»: «... Это не философия, это руководство по самодисциплине, это руководство по внутренней трансформации. Это книга, которая поможет вам расти в мудрости. Я называю ее — "Книга Мудрости"...».

Беседы были записаны в Международной коммуне Ошо в г. Пуна, Индия, весной 1979 г.

ОШО

КНИГА МУДРОСТИ

БЕСЕДЫ ПО "Семи Искусствам Тренировки Ума»

АТИШИ

[Читать полный вариант книги](#)

ГЛАВА 1. РАЗБУДИ РАБА

Не ищи печально поддельных утешений.

Все поглощения действуют в одном.

Один метод исправит все.

В начале и в конце нужно

делать две вещи. Будь терпеливым, какие бы

два случая не случились. Соблюдай два правила, даже с риском для жизни.

Познай три трудности.

Выдели три части главной причины.

Чтобы не быть разрушенным, медитируй на три вещи.

Сделай три неразлучными с добродетелью.

Старинная история:

Иисус, сын Марии, встретился как-то со стариком, жившим на горе, открытой всем ветрам, без всякого укрытия от жары или холода. Иисус спросил его, почему он не построил себе дом. «О Боже», — ответил старик, — «пророки до тебя предсказали, что я проживу только семьсот лет. Не стоит беспокоиться, чтобы поселиться внизу».

Жизнь — ожидание, не дом. Она есть поиск дома, но сама по себе не является домом. Это исследование, приключение. Нет необходимости, чтобы вы достигли цели — это редкость — потому что поиск очень сложен и имеется тысяча и одна трудность на пути.

Пусть это будет первым, что вы поймете в сегодняшних сутрах; их значения многообразны. Когда вы будете медитировать, когда вы проникнете глубоко в них, вы будете удивлены — в этих сутрах, как в каплях росы, содержится океан.

Магомет сказал: «Я как всадник, что нашел убежище под деревом, а потом продолжил свой путь».

Да, эта жизнь — ночной привал, *караван-сарай*. Не селитесь в нем. Используйте удобный случай, чтобы дотянуться выше, выше и выше, потому что нет предела ни высотам, ни глубинам. Но всегда помните: не считайте жизнь, как нечто, само собой разумеющееся, это только удобный случай с безграничным потенциалом и возможностями. Но если вы начнете думать, что вы достигли, потому что вы живы, вы упустите самую суть.

Иисус сказал снова: «Мир является мостом, не остановкой». Используйте это как мост; это может соединить вас с Богом. И когда жизнь станет мостом к Богу, это прекрасно, божественно. Но если вы не используете ее как мост к Богу, она останется скучной, поддельной, иллюзорной, воображаемой, фиктивной.

Первая сутра:

Не ищи печально поддельных утешений.

Каждый человек ищет блаженства, и почти все находят прямо противоположное. Я говорю «почти», потому что некоторые люди не в счет — Будда, Заратустра, Лао Цзы, Атиша. Но они так далеко и их так мало... Они исключения; они только подтверждают правило. Итак, я говорю, что почти все, кто ищет для блаженства, находят отчаянье и страдание. Люди стараются попасть на небеса, но когда они вдруг достигают их, они осознают, что это ад.

Должно быть, где-то очень большое непонимание. Непонимание того, что те, которые ищут удовольствий, найдут печаль — потому что удовольствие только маскировка, печаль как раз то, что скрыто. Это маска — слезы скрыты за улыбками, шипы ждут вас за цветами. Те, кто увидят это... все могут видеть это, ведь это так очевидно; каждый человек переживает это снова и снова.

Но человек есть животное, которое никогда не учится.

Аристотель определил человека как разумное существо. Это явный вздор! Человек самое неразумное существо, какое вы можете где-либо найти. Человек может быть разумным, но это не так. Это не определение человека, какой он есть, это определение, каким человек мог бы быть. Будда, да; Магомет— да, они разумные существа, разумные в том смысле, что они живут разумно, они живут мудро, они используют каждой единственный удобный случай, чтобы расти, созреть, быть. Но, поскольку нас интересуют миллионы человеческих существ, девяносто девять процентов людей неразумные существа, краше неразумные.

Их первая неразумность та, что хотя они проходят через многие ощущения снова и снова и ничему не учатся, они продолжают повторять их. Сколько раз вы сердились и какой урок извлекли из этого? Сколько раз вы ревновали, и какой опыт получили? Вы продолжаете проходить через этот опыт снова и снова, ничего не извлекая из него. Вы не взрослеете; ваш путь в жизни неразумный, несознательный.

Сознающий человек будет в состоянии легко увидеть, что, ища удовольствие, во всем этом находишь печаль. И что, в сущности, удовольствия? Просто подделка. Кто-то хочет построить большой комфортабельный дом, и это стоит ему столько хлопот, страданий и беспокойств, столько нервного напряжения!

Говорят, что если вы в самом деле преуспевающая личность, вы обречены на инфаркт где-то между сорока пятью и сорока восемью годами. Если вам стукнуло пятьдесят и у вас еще не было инфаркта, ваша жизнь потрачена зря, вы неудачник, банкрот; вы не достигли цели, вы недостаточно честолюбивы. С честолюбивыми людьми обязательно случается инфаркт. Еще более честолюбивые зарабатывают психоз.

Если вы не нуждаетесь в психиатре, это просто означает, что вы не используете свой ум на путях амбиций.

И все общество построено на амбиции; образовательная система готовит только амбициозные умы. Это — потенциальные пациенты для психотерапевтов. Это выглядит как заговор — вся образовательная система только и делает, что создает людей для докторов, для священников, для психотерапевтов.

Кажется, вся система больна, и больна смертельно. Она не создает здоровых, живых, сияющих человеческих существ; не создает играющих, празднующих людей. Она не учит вас, как сделать вашу жизнь праздником. Все, чему она учит, уводит вас все глубже и глубже в ад. И вы знаете это — потому что я не говорю о разных спекулятивных мысленных построениях, я говорю просто о вашей психологии, вашем способе существования.

Атиша прав. Он говорит:

Не ищи печально поддельных утешений.

Как много страданий вы создали. Для чего? Кто-то хочет дом чуть побольше, чуть больший банковский счет, чуть побольше славы, чуть побольше известности, власти. Кто-то хочет стать президентом или премьер-министром.

Все это поддельно, ибо смерть все возьмет с собой. Это определение поддельного. Настоящее только то, что не может забрать смерть. Все остальное нереально. Это сделано из той же материи, что и сны. Если вы стремитесь к вещам, которые смерть заберет с собой, тогда ваша жизнь — «история, рассказанная идиотом, полная шума и ярости и безо всякого смысла». Вы никогда не доберетесь до смысла.

И какая песня может быть без смысла? И как вы можете, не имея смысла, когда-либо сказать: «Я живу»? Дерево не цветет, дерево не приносит плодов. Да что говорить о плодах и цветах? — даже листья не появляются.

Миллионы рождаются как семена и умирают как семена. От колыбели и до могилы их

история просто плывет по течению. Это несчастный случай, и окончательный результат — великая печаль. Идея ада только символизирует ту великую печаль, что вы создаете неправильное качество своего существования.

Атиша говорит:

Не ищи печально поддельных утешений.

Тогда что должно быть сделано? Думать о чем-то высшем, чем-то, превосходящем смерть, чем-то, что не может быть разрушено, чем-то, что нерушимо, чем-то, что превьше времени. И печаль не возникнет.

Если вы ищете окончательное, каждое мгновение вашей жизни будет все больше и больше наполнено миром, более спокойным, тихим, прохладным, ароматным. Если вы ищете высшее, если вы ищете истину, Бога, *нирвану*, как бы вы ни захотели назвать это; если вы в поиске глубин жизни и вершин жизни, если вы не стремитесь к подделкам, тогда ваш великий поиск принесет новое качество в ваше существование. Вы ощутите укорененность, собранность воедино; вы ощутите единство. И тогда вы ощутите новую радость, возникающую в вашей душе, которая не приходит извне.

Настоящая радость никогда не приходит извне — только подделка приходит извне, потому что смерть забирает все, что приходит к вам из вне.

Смерть случается только снаружи, она никогда не случается внутри. Смерть случается во внешнем и никогда — во внутреннем, внутреннее вечно. Ваше внутренне превьше смерти — оно всегда было здесь и всегда будет здесь. Но вы не знаете этого. Вы продолжаете гоняться за призраками, а реальность ждет вас, чтобы вы вошли, заглянули, настроились на нее.

Итак, первое: ищите то, что бессмертно, и в конце концов вы постучите в дверь, ведущую на небеса.

Второе: почему первое, что вы делаете — это стремитесь к поддельным удовольствиям? Эта женщина, этот мужчина... Почему вы гонитесь за поддельными удовольствиями? Что скрывается за этим? За этим скрывается ваша печаль. Вы хотите как-то забыть обо всем этом, вы хотите утопить себя в алкоголе, сексе, деньгах, большой политике. Вы хотите в чем-то утопить себя.

Политики легко могут говорить о необходимости запрещения спиртных напитков, потому что они имеют в распоряжении гораздо более опасную отраву. Мораджи Десаи может настаивать на запрещении спиртных напитков, потому что он захлебывается своей большой политикой; он топит себя в отраве очень тонкого, неуловимого качества. Несомненно, алкоголь менее опасен, чем политика.

Если что-то и нужно запрещать в мире, то не алкоголь, а политику. Сколько алкоголиков в Индии? Не больше семи процентов. А насколько больше политиков? Я не думаю, что можно найти несколько человек, которые *не политиканствуют* — очень трудно. Вы можете, по видимости, не быть политиком, но политика — очень тонкая вещь.

Муж старается командовать своей женой, это политика. Жена старается по-своему управлять мужем - это политика. Ребенок поднимает крик, желая новую игрушку немедленно, и это тоже политика.

Политика означает стремление преобладать над другими. И это очень отравляет. Это наихудший алкоголь, имеющийся в мире. Некоторые люди уходят в большую политику, некоторые ищут убежища в сексуальности, некоторые идут в пивную, но большинство просто продолжают искать поддельные утешения, одно за другим. Когда они достигают одного и находят, что это ничего не дало, не насыщает, немедленно они начинают искать что-то иное. Их жизнь становится постоянно занятой делами, так как им необходимо не видеть внутреннюю печаль, что собирается подобно облаку или темной туче.

Итак, второе значение сутры: чем искать поддельные утешения, лучше идти в вашу печаль.

Медитируйте, идите в нее глубоко. Не избегайте вашего несчастья, ибо в бегстве вы никогда не узнаете, что это есть, вы никогда не узнаете, как превзойти это.

Это красота: если вы действительно знаете причину вашего несчастья, в самом узнавании несчастье преобразуется — потому что причина всему невежество и ничто другое.

Иисус говорит: «Истина освобождает». Это одно из важнейших когда-либо сделанных заявлений, одно из основных для всякого ищущего знание. Истина освобождает — не та истина, которую вы черпаете из священных писаний, а та, к которой вы пришли через ваш собственный опыт.

Вы печальны. Войдите в вашу печаль. Это лучше чем бегство в какую-то деятельность, в какое-то занятие, лучше, чем идти на встречу с друзьями или в кино или включить радио или TV. Чем бежать во все это, отвернитесь от него, прекратите всякую деятельность. Закройте ваши глаза, идите внутрь этого, посмотрите, что это, как это — и смотрите без осуждения, потому что если вы осуждаете, вы не сможете видеть всю цельность этого. Смотрите без суждений. Если вы судите, вы не сможете видеть это целиком. Без вынесения приговора, без осуждения, без оценивания, просто наблюдайте, что это. Смотрите на это как на цветок, грусть - туча, темная туча, но просто смотрите на это без оценок — так вы можете увидеть все части этого.

И вы будете удивлены: когда вы глубоко вошли в это, оно начинает рассеиваться. Если человек может глубоко идти в свою печаль, он найдет все печали рассеявшимися. И в этом испарении печали — радость, блаженство.

Блаженство не обнаруживается во внешнем, в отличие от печали. Блаженство обнаруживается глубоко скрытым за печалью. Вы глубоко входите в ваши наполненные печалью состояния и вы находите весенний источник радости?

Вторая сутра:

Все поглощения действуют в одном.

Итак, Атиша говорит: не нужно иметь много цепей, одной цели достаточно. Спрашивайте в истине вашей жизни. Достаточно только одного поиска, чтобы освободить вас от всех ваших несчастий, страданий, адов. Спрашивайте в истине вашего существования, смотрите все его части — гнев, жадность, похоть. Войдите в каждую из них. И, входя в каждую из них, вы найдете снова и снова тот же самый источник, тот же самый родник радости.

И, понемногу вы станете праздником. Ничего не изменится снаружи, но вы открыли самих себя. Вы вошли в царство Божие.

Третья сутра:

Один метод исправит все.

Одна цель — истина — и один метод. Что это за метод? Я называю это медитацией, Атиша использовал название «осознанность», Будда использовал название «заполненность ума». Это разные слова для одного и того же качества — качества существования внимательного, бдительного, бодрствующего.

Атиша очень математичен: нет великого математика, способного быть таким математическим, как он. Он двигается шаг за шагом. Первое, что он говорит: «Не ищите поддельных утешений; это дорога заблуждения». Не бегите из вашего полного печали состояния; идите в него. Пусть это станет вашей единственной целью: поиск истины вашего существа. Он не говорит о какой-то истине, находящейся где-то в небе. Он не говорит о какой-то философской истине. Он говорит об истине, которой вы и являетесь; он говорит о вас. Он предельно психологичен, он не говорит о метафизике.

И затем метод. И он идет так быстро, не тратит зря ни единого слова, ни одного лишнего слова. Он так телеграфичен. Это и есть смысл слова «сутра». Сутра означает «очень телеграфично». В этом была большая потребность в те дни, когда Атиша писал эти сутры; была

большая потребность быть очень, очень кратким, сжатым, телеграфичным, потому что книги тогда не использовались; люди должны были помнить их. И лучше сочинить очень-очень короткие сутры, такие, чтобы люди смогли запомнить их. Мы обсуждаем сейчас только семь указаний — они могут быть легко запомнены.

Один метод исправит все.

Этот метод есть осознанность. Есть много болезней, но существует только одно здоровье. Качество здоровья всегда одно и то же. Когда я здоров или вы здоровы, ощущение здоровья одно и то же. Но заболеваний — миллионы.

Ложных много, но правильный ключ, открывающий все двери, главный ключ только один. Прежде чем резать ветки, подрезать листья, почему бы не отрубить самый корень? Есть много людей, которые продолжают подрезать листья и резать ветки. Эти люди известны как моралисты.

Моральный человек это немного глупый человек, глупый в том смысле, что он думает, что, подрезая листья, он уничтожает дерево. Он не сделает это таким образом. Вы отрезаете один листок, а дерево вырастит взамен три. Листва станет гуще. Вы отрезаете одну ветку, а дерево устремит свои жизненные силы и соки в другую ветвь, и она станет пышнее и больше. Это то, что случается в вашей жизни.

Кто-то против секса. Он подавляет секс, режет эту ветку. Тогда вся энергия становится гневом. Вы найдете истории в индийских священных писаниях — рассказы, подобные истории Дарвасо — великом так называемом махатме, который подавил свой секс полностью, и затем он стал целиком гневом, просто докрасна раскаленным гневом. Это должно было случиться. Вы не можете уничтожить какую-то энергию — никогда. Это невозможно по самой природе вещей.

Энергии могут быть только видоизменены, они не могут быть уничтожены. Если вы закрываете один выход, энергия начнет течь через другой. Если вы закрываете переднюю дверь, то она найдет выход через заднюю. И это опасно, потому что это делает вашу жизнь лицемерной; это делает вашу жизнь двойственной. Вы начинаете жить двойной жизнью: вы говорите одно, делаете другое, вы показываете одно, а вы — другой. Вы становитесь все более и более расщепленным, расколотым.

Я акцентирую внимание в точности на том же самом, что и Атиша. Вы приходите ко мне с тысячью и одной проблемой, но мой ответ всегда один и тот же. Если вы приходите с гневом, я говорю — осознай это. Если вы приходите с алчностью, я говорю — осознай это. Если вы приходите с вожделением, я говорю — осознай это. Ибо осознанность отсекает самый корень. Какой это корень? Неосознанность является корнем. Некто может сердиться, только если он неосознающ. Попробуйте быть сердитым и осознающим одновременно, и вы обнаружите невозможность этого. Или вы будете осознавать, тогда гневу не найдется места, или вы будете сердиться и осознанность исчезает. Вплоть до настоящего времени никто не мог управлять обеими вещами вместе, и я не думаю, что вы можете быть исключением, подтверждающим правило. Вы стремитесь к этому. Возможно, вы можете думать об обоих случаях, но если вы минутку понаблюдаете, вы увидите, что когда осознание здесь, гнева нет; когда гнев здесь, осознанности нет. Неосознанность есть корень всех болезней. Тогда осознанность только лекарство. Будда говорит: «Я врач». И однажды кто-то спросил: «Ты снова и снова говоришь, что ты врач, но я не вижу ничего лечебного вокруг тебя. Какие лекарства ты даешь?».

Он сказал: «Мое лекарство только одно: это осознанность. Я прописываю осознанность». И это не может быть сделано химиком; вы меняете вашу внутреннюю химию, привнося осознанность. Вы меняете вашу внутреннюю химию. Правда, сейчас ваши внутренние химические процессы идут в таком направлении, что производят неосознанность, бессознательность. Это может быть изменено, может быть деавтоматизировано. Как это делать,

вы найдете в сутрах, которыми сейчас занимаетесь.

Но помните, один метод достаточен для исправления всего неправильного. Этот метод есть осознанность. Однако, как вы узнаете, что достигли этого? — ведь осознанность есть нечто внутреннее; это так глубоко, что никто не может видеть это. Но если вы становитесь осознающими... тишина. Каждый, кто имеет хотя бы небольшую способность понимать, у кого открытые глаза, поймет, почувствует это — ибо когда осознанность случается внутри, в сердцевине, сострадание начинает лучиться, любовь начинает лучиться.

Будда говорит: «Зажгите свечу осознания в вашем сердце, и все ваше существо начнет излучать сострадание. Сострадание есть доказательство. Если случается не сострадание, запомните, вы, должно быть, обманываете самих себя; вы наверное делаете что-то по-другому, чем будучи осознанным.

Например, вы можете стремиться к концентрации. Концентрация не есть осознание, и человек концентрации никогда не выкажет сострадания. Сострадание не есть следствие концентрации. Концентрация означает фокусирование ума, сужение ума в одну точку. Концентрированный ум становится очень мощным умом — но помните, это ум, и очень мощный, следовательно, более опасный, чем прежде.

Концентрация есть метод науки. Осознание полностью другое; это не фокусирование, это расфокусированная бдительность.

Например, прямо сейчас вы слушаете меня. Вы можете сосредоточенно слушать, вы можете фокусироваться на мне, тогда вы упустите птиц и их песни, тогда вы упустите этот шум на дороге. Тогда вы не осознающие, тогда ваш ум стал очень узким, тесным. Но осознанность — это не сужение ума а исчезновение ума. Сужение ума делает ум еще большим умом.

Следовательно, индуcский ум еще больший ум, мусульманский ум еще больший ум, коммунистический ум еще больший ум, потому что все они сужены. Кто-то сфокусирован на «Капитале» или «Коммунистическом манифесте», кто-то сфокусирован на Коране или Дхаммападе, кто-то на Гите, кто-то на Библии. Они создают в мире суженные умы. Они создают конфликт, они не приносят сострадания.

Религии существуют тысячи лет, но сострадание продолжает спать. Мы оказались неспособны создать мир, который знал бы, что такое любовь, что такое дружба, что такое братство. Да, мы говорим, и мы говорим так много обо всех этих прекрасных вещах. Несомненно, эта болтовня стала тошнотворной — она болезнь. Это должно быть прекращено. Не надо больше о братстве и любви, о том, о сем. Мы болтаем бесцельно тысячи лет.

Причина в том, что концентрированный ум становится узким, становится еще большим умом. Но любовь не есть функция ума, любовь есть функция не-ума — или назовите сердцем, душой, что означает то же самое. Не-ум и сердце являются синонимами.

Осознание означает: слушайте меня, не фокусируясь — бдительно, конечно, не впадая в сонливость, но бдительно воспринимайте этих птичек, их щебет, ветер, пронесшийся между деревьями, быть бдительными ко всему, что случается. Концентрация исключает много, а включает в себя мало. Осознание, не исключая ничего, включает все.

Осознание есть состояние не-ума. Вы есть, однако вы не фокусируетесь. Вы только зеркало, отражающее все, откликающееся на все. И взгляните на красоту этого, молчание и тишину. И внезапно вы есть и вас нет, и чудо начинает случаться. И в этом молчании вы ощутите сострадание, сострадание ко всем страдающим существам. Это не должно практиковаться; это приходит само по себе.

Атиша говорит: «Осознанность внутри, сострадание снаружи». Сострадание есть открытая сторона осознанности, проявление осознанности. Осознанность есть ваше внутреннее, субъективное. Сострадание есть отношение с другими, участие с другими.

Четвертая сутра:

В начале и в конце нужно сделать две вещи.

Под «началом» подразумевается утро, а под «концом» — вечер. Утром помните одну вещь, говорит Атиша, — это новый день, новая возможность, которая снова дается вам. Ощутите благодарность. Существование так щедро. Вы потратили зря столько дней, а вам снова дан один день. Существование так надеется на вас! Вы транжирили и транжирили и ничего не делали. Вы упустили такое множество ценных возможностей, времени, энергии, но существование продолжает надеяться. Вам дается еще один день.

Атиша говорит: утром вспомните — новый день, новое начало, — и примите решение в вашем сердце: «Сегодня я не собираюсь терять эту возможность. Достаточно! Сегодня я намереваюсь быть осознающим, сегодня я намереваюсь быть бдительным, сегодня я намереваюсь отдавать столько энергии, сколько возможно, одному делу — медитации. Я буду медитировать над всеми моими действиями. Я буду делать все дела, обычные каждодневные дела, но сегодня с новым качеством: я привнесу в них качество осознанности».

Приветствуйте новый день. Ощутите благодарность, счастье, что существование продолжает доверять вам, сохраняет возможность, трансформация еще может случиться. Начинайте новый день с великим намерением.

И вечером снова почувствуйте благодарность, что день был дан вам. И ощутите благодарность за все, что случилось — все равно, хорошее или плохое, все равно, счастье или горе — все равно, потому что все они учителя. Все есть возможность. Понятый правильно, каждый момент становится ступенькой вверх. Успех так же помогает стать бдительным, как и неудача; иногда неудача, несомненно, помогает вам стать более осознающим даже больше, чем успех. Успех помогает вам стать сонным. В счастье люди забывают; в счастье никто не помнит Бога. В несчастье внезапно приходит воспоминание.

И счастливчик тот, кто может помнить, даже когда он счастлив; счастливчик тот, кто может помнить, даже когда все идет хорошо и гладко. Когда море бурное, все вспоминают Бога. Нет ничего необычного в этом, это просто выброс страха.

Случилось вот что. В море плыл корабль, корабль, который вез в Мекку множество мусульман. Они совершали паломничество. Они все были удивлены одной вещью, потому что все они совершали паломничество в святая святых. Каждый молился каждый день все пять раз, предписанных Магометом, исключая суфийского мистика. Но мистик так лучился радостью, что никто не отваживался сделать ему замечание.

Как-то раз море было очень бурным, и капитан оповестил, что «кажется, нет возможности спастись. Итак, пожалуйста, сотворите вашу последнюю молитву. Судно может вот-вот пойти ко дну».

И все погрузились в молитву, исключая суфийского мистика. Сейчас это было чересчур. Много людей собралось вокруг мистика, и они были, несомненно, разгневаны. И они сказали: «Ты божий человек. Мы видим это. Ты никогда не молился, и мы ничего не говорили; мы чувствовали, что это будет непочтительным — ты выглядел блаженным. Но сейчас это невыносимо. Корабль тонет, а ты божий человек — если ты помолишься, твоя молитва будет услышана. Почему ты не молишься?».

Он ответил: «Молиться из страха значит упустить самую суть. Вот почему я не молюсь».

Тогда они спросили: «Почему же ты не молился, когда не было причин для страха?».

Он сказал: «*я есть* в молитве, так что я не могу молиться. Только те, кто не в молитве, могут молиться. Но что толку в их молитве? Пустые обряды! Я в молитве, несомненно, *я есть* молитва. Каждый момент — молитва». «Молитва» — это суфийский термин для того же самого качества, для которого Атиша потом использовал слово «осознанность».

Итак, вечером поблагодарите снова, поблагодарите самое существование! Для Атишы это не Бог, запомните. Даже если я использую слово «Бог», это не слово Атишы. Для Атишы все существование целиком божественно; это не персонифицированный Бог».

Отношение медитирующего всегда такое. Если вы человек молитвы, существование почитается как Бог, как персонифицированное. Если вы человек медитации, существование безлично, прямо сейчас оно едино, божественно. Для молящегося это Бог, для осознающего это божественно, но не Бог.

Говорят, что Г.Уэллс сказал, что Гаутама Будда был величайшим безбожником, но все же наиболее божественным. Это верно — величайший безбожник, ибо он никогда не верил ни в одного Бога, однако самый божественный, ибо он сам был божественное. Он сам был настолько божественным, насколько это возможно.

Итак, вечером ощутите благодарность, что бы ни произошло в течение дня. И еще две вещи: запомните тот день, когда вам не удалось быть осознающим и сострадательным. Атиша не говорит покайтесь, только запомните.

И позвольте мне напомнить вам: когда библейский Иисус говорит снова и снова: «Покайтесь!» — это неправильный перевод с арамейского. В английском взяли полностью другое значение, в сущности, не другое, а диаметрально противоположное. Это превратилось в «покаяние» — «Почувствуйте вину!»

В арамейском «покайтесь» имеет одно значение «вернитесь, оглянитесь», и это все. Подведите итог: день прошел, оглянитесь. Только взгляните назад, припомните, когда в вас не было осознанности — это поможет вам завтра; это укрепит вашу осознанность. И припомните, когда вас не было в сострадании; это поможет завтра быть более сострадательным. Припомните также, когда вы преуспели в осознанности и сострадательности. Не чувствуйте гордость или что-то иное — ни вины, ни гордости. Это не вопрос вины и гордости; это просто подведение итогов прошедшего дня перед тем, как отправиться спать, только оглядывание, не оценивание — ни осуждение себя как грешника, ни чувство очень, очень гордо, что «Сегодня я был таким осознающим, таким сострадательным; я сделал так много хороших поступков». Ничего подобного — просто пролистывание назад того, что случилось с утра до вечера.

Это также способ, как становиться более осознающим.

Будь терпеливым, какие бы два случая не случились.

И запомните, преуспели ли вы в осознанности или вы потерпели неудачу, будьте терпеливыми. Не будьте нетерпеливыми, поскольку нетерпение не помогает. Просто терпеливо наблюдайте, и ждите с огромным доверием, потому что если это может произойти, то большее возможно. Другой листок может родиться завтра, другой цветок может зацвести завтра.

И запомните, это тело не есть только это тело. Вы имели много больше перед этим, и много больше вы собираетесь иметь в будущем. Не торопитесь. Будьте терпеливым, ибо суэта приносит только беспокойство. Торопливость не помогает, а мешает.

Соблюдай два правила, даже с риском, для жизни.

И эти два правила - осознанность и сострадание так значимы, что даже если иногда пожертвуете жизнью, это стоит того — потому что жизнь не что иное, как возможность достичь осознанности и сострадания. Если вы не достигли осознанности и сострадания, какой смысл в продолжении жизни? Это бессмыслица.

И просто медитируйте над этим. Если кто-то так готов, так намерен, так глубоко решил быть осознающим и сострадательным, что он готов пожертвовать своей жизнью, останется ли он и дальше неосознающим? Невозможно! В ту же секунду, если есть интенсивность, осознанность случится с вами из этой интенсивности. Эта пылкость, интенсивность загорится как внутренний свет, а снаружи он начнет лучиться состраданием.

Жизнь сама по себе бессмысленна. Она осмыслена, только если вы можете петь песню вечности, если вы можете стать ароматом божественного, цветком лотоса—бессмертным, вневременным. Если вы можете стать чистой любовью, если вы можете украсить это существование, если вы можете стать благословением этого существования, только тогда жизнь имеет значение. Остальное несущественно. Это подобно пустому холсту: вы можете продолжать тащить его всю вашу жизнь, и вы можете умереть под этой тяжестью, но в чем суть? Нарисовать на нем что-нибудь!

Смысл жизни должен создаваться; он не дается готовым. Вам дана свобода, вам дано творчество, вам дана жизнь. Все это необходимо наполнить смыслом. Все необходимое вам для этого дано, но смысл должен создаваться вами. Вы должны стать творцом по вашим собственным правилам.

И когда вы станете творцом по вашим собственным правилам, вы объединитесь с Богом, вы станете частью Бога.

Узнай три трудности.

Есть три трудности в становлении осознания. Это очень существенно, что нужно понять каждому ищущему. Несомненно, каждый становится осознующим, но только когда действие завершено. Вы рассердились — вы ударили вашу жену или кинули подушку в вашего мужа. Позже, когда голова остыла, момент прошел, вы стали осознавать. Но теперь это бессмысленно, уже ничего нельзя сделать. То, что сделано, не может быть отменено; уже слишком поздно.

Три вещи, говорит Атиша, должны помниться. Первая: стань осознующим, пока действие происходит. Это первая трудность для человека, желающего стать осознующим — стать осознующим в самом действии.

Гнев подобен дыму внутри вас. Стать осознующим в пелене гнева — вот первая трудность. Но это не невозможно. Только небольшое усилие и вы сможете овладеть этим. Сначала вы увидите, что вы становитесь осознующим, когда гнев ушел и все остыло — вы стали осознавать через пятнадцать минут. Стремитесь — вы станете осознавать через пять минут. Еще немного — вы станете осознавать немедленно, через одну минуту. Еще чуть-чуть, и вы станете осознавать в то же мгновение, когда гнев уходит. Еще самую малость, и вы станете осознавать точно в середине этого. И вот первый шаг: быть осознующим в действии.

Тогда делается второй шаг, который даже труднее, ибо сейчас вы входите в воду глубже. Второй шаг, или, как называет Атиша, «вторая трудность»: вспоминание *перед* действием. Когда действие еще не случилось, когда оно еще только мысль в вас. Оно еще не выражено, но становится мыслью в вашем уме. Оно уже здесь, как скрытая возможность, как семя; оно может стать действием в любой момент.

Тогда вам будет необходима чуть более тонкая, белее острая, неуловимая осознанность. Грубое действие — вы ударили женщину. Вы можете стать осознующим во время удара, но *идея* удара еще более тонка. И тысячи идей продолжает проходить в уме. Кто замечает их? Они проходят и проходят; движение продолжается. Но те идеи никогда не становятся делами.

Это различие между преступлением и грехом. Преступление — когда нечто становится действием. Нет закона, по которому суд может наказать вас за мысль. Вы можете думать об убийстве кого-нибудь, но нет закона, способного наказать вас. Вы можете наслаждаться, вы можете грезить об этом — вы неподсудны. Как только вы действуете, как только вы что-то делаете и мысль становится выраженной — тогда это преступление.

Но религия идет глубже. Она говорит, что когда вы думаете, это уже грех, Выразили ли вы это или нет — вы совершили это в вашем внутреннем мире и вы поражены этим, загрязнены этим, осквернены этим, вы уже испорчены.

Вторая трудность, говорит Атиша — заметить мысль, когда она возникает в вас. Это может

быть сделано, но это может быть сделано, только когда вы преодолели первый барьер, потому что мысль не так заметна. Все же этой заметности достаточно, чтобы ее увидеть; просто нужно немного попрактиковаться.

Сидите молча, просто наблюдайте ваши мысли. Просто смотрите все нюансы мысли — как она возникает, как она остается, живет, и как она покидает вас. Она становится гостем, и затем, когда приходит время, покидает вас. И много мыслей приходят и уходят. Вы хозяин дома, куда многие мысли приходят и потом уходят. Просто наблюдайте.

И не пробуйте с самого начала с трудными мыслями, пробуйте с простыми мыслями. Это будет сделать легче, потому что процесс тот же самый. Просто сядьте в саду, закройте ваши глаза и смотрите, какие бы мысли не приходили — а они всегда приходят. Собака лает по соседству, и немедленно процесс мышления начинается в вас. Вы внезапно вспоминаете собаку, бывшую у вас в детстве, и как вы любили ее, а потом собака умерла, и как вы страдали.

Теперь идея смерти — и собака забыта, а вы вспоминаете смерть вашей матери. Теперь идея матери — и внезапно вы вспоминаете вашего отца. И все это продолжается и продолжается. А все включилось из-за дурацкого пса, который даже не знает, что вы сидите в вашем саду, который просто гавкает, потому что не знает ничего другого, чтобы занять себя. Его лай есть не что иное, как политиканство — его политика, его большая политика.

Вот почему собаки так против униформ. Полицейский, почтальон, саньясин — и собаки очень сердиты. Они не терпят униформы; как вы смеете гулять в униформе, вы стремитесь возвыситься над ними? Они очень сердятся на полицейских и похожих на них людей.

Собака не осознает вас, она не гавкает специально на вас. Но цепочка защелкнулась. Наблюдайте за этими простыми цепочками, а потом медленно-медленно пробуйте их с более эмоционально запутывающими вещами. Вы сердиты, вы жадны, вы ревнуете — и овладейте собой в середине мысли. Это вторая трудность.

И третья трудность: овладеть процессом, результатом которого является действие. Перед тем, как это становится мыслью, — это самое трудное; сейчас вы можете даже не подозревать об этом. Перед тем, как нечто становится мыслью, это является ощущением. Это три вещи: сначала приходит ощущение, затем появляется мысль, а затем случается действие.

Вы можете не осознавать полностью, что каждая мысль производится определенным ощущением. Если ощущения нет, мысль не появится. Ощущение выражается мыслью, мысль выражается действием.

Вы должны сделать сейчас почти невозможную вещь — поймать определенное ощущение. Не наблюдали ли вы иногда? Вы, несомненно, не чувствовали, почему вы ощущаете легкое беспокойство; это не настоящая мысль, которая может быть схвачена как причина, но вы обеспокоены, вы чувствуете расстройство. Что-то глубоко внутри готовится, некое ощущение набирает силу. Иногда вы печальны. Нет причины печалиться, и нет мысли, вызывающей печаль, а печаль уже здесь, как основное ощущение. Это означает, что ощущение стремился выйти на поверхность, его семя посылает свои листья наружу.

Если вы способны осознавать мысль, в конце концов вы станете осознавать тонкие нюансы ощущений. Таковы три трудности.

Атиша говорит:

Узнай три трудности.

И если вы сможете сделать эти три вещи, внезапно вы провалитесь в глубочайшую сердцевину вашего существа.

Действие дальше всего от существа, затем идет мысль, а затем ощущение. И за ощущением... То, что как раз скрыто за ощущением и есть ваше существо. Это существо есть всеобщее. Это существо есть цель всех медитирующих, цель всех тех, кто молится — назовите это Бог, *атма*,

самость, не-самость, как бы вы ни захотели назвать это — это есть цель. Но эти три препятствия необходимо преодолеть. Эти три барьера подобны трем концентрическим кругам вокруг центра существа.

Выдели три части главной причины.

Сейчас очень важная сутра. Последние три сутры воистину золотые. Сохраните их в вашем сердце; они насытят вас, они укрепят вас, они преобразуют вас. И они имеют необъятное значение особенно для моих санньясинов.

Выдели три части главной причины.

Каковы эти три части? В буддийской традиции это три знаменитых прибежища: *буддам шаранам гаччами*. Я иду по стопам Будды; я отказываюсь от себя во имя Будды. *Сангхам шаранам гаччами*. Я иду по стопам общины; я отдаю себя Полю Будды. *Дхаммам шаранам гаччами*. Я отказываюсь от себя во имя высшего закона, воплощенного Буддой и ищущегося общиной, который выражается в Будде и исследуется общиной.

Эти три — самые важные вещи для ищущего: Мастер, община и дхамма — Дао, Логос, окончательный закон.

Если вы не в контакте с тем, кто уже реализовался, для вас почти невозможно расти. Помех — миллионы, столько ловушек, столько фальшивых дверей, все возможности заблудиться; столько искушений. Если вы не в обществе с кем-то, кто достиг, для вас почти невозможно достичь. Если ваши руки не в руках того, кому вы можете довериться и сдаться, вы обречены заблуждаться. Ум создает столько искушений — они так манят, их сила так притягательна — что если вы не в поле влияния того, чья притягательность больше, чем все другие виды искушений, невозможно тянуться вверх.

Это значение дисциплины.

Буддам шаранам гаччами: я сдаюсь Мастеру. Мастер — такая притягательная сила, что ваша сдача Мастеру становится вашей защитой. Следовательно, это называется «прибежище». Тогда вы в безопасности, тогда вы охраняемы, тогда вы защищены. Тогда ваши руки в руках того, кто знает, где поддержать вас, какое направление вам дать.

И вторая вещь — община. Каждый Будда создает общину, потому что без общины Будда не может, функционировать. Община означает его энергетическое поле, община означает людей, которые радуются с ним, община означает общество, альтернативное обычному мирскому, светскому обществу, гонящемуся за поддельными ценностями она открыта для всех.

Небольшой оазис в пустыне мира — вот что означает община, основанная Буддой — небольшой оазис, в котором жизнь течет полностью другим способом, полностью другим образом, с совершенно другой целью; где жизнь живет с намерением, со значением, где жизнь живет с методом — хотя для отстающих это может выглядеть как безумие, но в этом безумии есть метод—где жизнь живет исполненной молитвы, бдительно, осознанно; где жизнь не просто случайность, где жизнь начинает становится все более и более растущей в определенном направлении, к определенному предназначению; где жизнь больше не лес, сплавляемый по течению.

И третье — это *Дхамма*. *Дхамма* означает истину. Будда представляет *Дхамму* двумя путями. Первый — через его сообщение, вербально, и второе — через его присутствие, через его молчание, через его передачу, не-вербально.

Вербальное сообщение — только введение к невербальному. Не-вербальное — это передача энергии. Вербальное — только подготовительное; оно только подготавливает вас, чтобы вы смогли позволить Мастеру сообщить вам энергию мудрости, ибо энергия мудрости на самом деле двигает вас в неизвестное. Энергия мудрости нуждается в великом доверии, потому что вы полностью не будете осознавать, где вы идете — вы будете осознавать, что вы где-то идете,

осознавать, что вас где-то ведут, осознавать, что происходят события громадного значения, но что именно, вы не имеете даже языка для этого, у вас нет никаких впечатлений, чтобы осознать их. Вы будете двигаться в неизвестное.

Будда представляет *дхамму*, истину, двумя путями. Вербально он общается с обучающимися. Не-вербально, через молчание, через энергию, он общается с учениками. А затем приходит конечное единство, где не нужны ни общение ни передача, и достигнуто то, единственное — где Мастер и ученик становятся одним, где ученик является просто тенью, где нет разделения. Таковы три ступени роста: обучающийся, ученик, посвященный.

Чтобы не быть разрушенным, медитируй на три вещи.

Будда, *сангха*, *дхамма*. Медитируйте на эти три вещи, чтобы не быть разрушенными. Мир будет очень против этих трех вещей; мир будет стремиться разрушить их. Те, кто любит истину, те, кто является настоящими искателями, вопрошающими, они будут делать все, чтобы защитить эти три вещи.

Первое, Будда. Почему мир создает для Будды так много трудностей, где бы и в какой форме он ни появился? Он может быть Кришной, Христом, Атишей, Тилопой, Сарахой; он может появиться в любом облике. Под природой будды я подразумеваю осознанность, бодрствование. Где бы ни случилось бодрствование, весь мир становится непримиримым, антагонистичным. Почему? Потому что весь мир спит.

Арабская поговорка: «Не буди раба, ибо он, возможно, видит во сне, что он свободен». Не будите раба; он, возможно, видит во сне, что он свободен, что он больше не раб.

Но Будда скажет: Разбуди раба! Пусть даже он и видит во сне прекрасные сны о свободе, разбуди его и дай ему осознать, что он раб, ибо только через эту осознанность он может по-настоящему стать свободным.

Мир крепко спит и люди наслаждаются своими снами. Они украшают свои сны, они делают их все более красочными, они делают их психоделическими. Тогда приходит человек, который начинает выкрикивать на крышах: «Проснитесь!» Спящие чувствуют обиду, они не хотят просыпаться, потому что они знают, что как только сон пройдет, они останутся со своим несчастьем и страданием, и ничего больше. Они даже не осознают, что за их несчастьем имеется источник радости, что он может быть найден. Когда бы что-то, подобное бодрствованию, ни случилось с ними, они всегда находят себя абсолютно нищими. Вот они и хотят быть погруженными во что-то; они хотят быть занятыми.

А смысл учения Будды состоит в том, чтобы найти время и место, где можно было бы оставаться незанятым; это и есть медитация. Выделите не меньше одного часа каждый день, чтобы сидеть молча, не делая ничего, предельно незанято, просто наблюдать, чтобы ни происходило снаружи или внутри. Поначалу вы бы будете очень сильно печалиться, глядя на то, что внутри вас. Вы почувствуете только тьму и ничего иного, уродство и черные дыры. Вы почувствуете в этом не экстаз, а агонию. Но если вы упорствуете, упорно продолжаете, приходит день, когда все эти агонии исчезают. А за агониями приходит экстаз.

Итак, первая вещь: когда бы Будда ни появился - мир против. Мир крепко спит, видя сны, а Будда стремится разбудить людей. И есть тысяча и одна других причин, почему мир хочет разрушить Будду, почему Атиша произносит:

Чтобы не быть разрушенным, медитируй на три вещи.

Знали бы ученики Иисуса что-нибудь подобное, они бы стремились использовать все пути для того, чтобы защитить Иисуса. Но они не знали ничего. Иисус смог жить, как Будда, только три года. Он мог дожить до глубокой старости, он мог помочь миллионам людей на пути, но ученики не знали что владеют великим сокровищем, которое должно быть защищено и охраняемо.

Имеется много причин. Одна причина, почему люди против: потому что, когда бы Будда ни появился в мире, он уникален. Он не может походить ни на одного Будду в прошлом; это проблема. Люди привыкли, мало-помалу, к прошлым Буддам. Но, когда бы ни пришел новый Будда, он такой новый, такой уникальный, такой непредсказуемый, что они не могут поверить, что он Будда, ибо они имеют определенную концепцию.

Те, кто знал Махавиру, как могут они воспринимать меня как Будду — ведь я не стою голым. Те, кто видел Иисуса, как они могут воспринимать Атишу как Будду? — ведь он не исцеляет больных и не помогает мертвецу снова подняться, не помогает слепому видеть. Атиша — Будда полностью другого качества; он не служит бедным, его работа полностью в другом плане.

Христиане не могут воспринимать Будду как Будду. Что говорить о христианах? Махавира и Будда были современниками. Джайны не признают Гаутаму Будду пробужденным, а буддисты не признают пробужденным Махавиру. Оба они были современниками, в одной области, временами жили в одном и том же городе и однажды остановились в одной и той же хижине. Но каждый Будда имеет уникальное качество, он несравним; следовательно, нет предыдущего Будды, который может быть использован в качестве критерия. Это создает трудности.

Будды непризнаваемы, потому что вы не имеете опыта, исходя из которого вы можете узнать Будду. Сексуальный человек может узнать сексуального; человек, ориентированный на деньги может узнать подобного себе, но как можете вы узнать Будду? Вы не имеете никакого опыта осознанности. В Будде вы увидите только отражение вашего собственного ума.

Это естественно.

Будда бескомпромиссен; это создает беспокойство. Он не может идти на компромисс. Истина не может совмещаться с любой ложью, удобной ложью. Будда кажется очень асоциальным и временами антиобщественным. Будда никогда не исполняет никаких ожиданий толпы — он не может; он здесь не для того, чтобы следовать за вами. Есть только один путь: вы можете следовать за ним, если вы хотите быть с ним; иначе заблудитесь! Он не может выполнить ваших ожиданий. Ваши ожидания нелепы. Ваши ожидания есть *ваши* ожидания — выражение неосознанности и слепоты. Какое они могут иметь значение?

Будда всегда бунтует, восстает против традиций. Это создает беспокойство. Будда никогда не принадлежит прошлому; на самом деле, будущее принадлежит Будде. Он всегда опережает свое время, он есть новое рождение Бога.

Всех этих вещей достаточно для общества слепых, безумных, жаждущих власти, амбициозных личностей, эгоистов, неврастеников и психопатов всех видов — этого достаточно для них, чтобы собраться вместе и разрушить всякую возможность существования Будды.

И они также против *сангхи* — даже больше. Они могут терпеть Будду, если он один. Они знают, что он может сделать? Они переносят Кришнамурти намного легче, чем меня. Что может сделать Кришнамурти? Он может ходить и говорить, а люди слушают, люди слушают пятьдесят лет и ничего не происходит, так что он может говорить еще несколько лет; не о чем беспокоиться.

Я тоже был один, путешествуя по всей стране из одного конца в другой, почти три недели каждый месяц; на поезде, на самолете, продолжая путешествовать. И в этом не было большой проблемы. В день, когда я начал посвящать в саньясу, общество насторожилось. Почему? Потому что создавать область Будды, поле Будды, создавать *сангху*, означает, что вы создаете альтернативное общество, вы больше не единичные индивидуальности; вы объединившаяся сила, вы можете что-то сделать. Сейчас вы можете совершить революцию.

Итак, люди хотят разрушить все коммуны. И коммуны долго не существуют. Очень редко коммуны выживают — очень редко. Миллионы раз создавались коммуны, а общество их рано

или поздно разрушало. И это бывает скорее рано, чем поздно. Но несколько общин выжило.

Например, община Будды еще существует — не такая чистая; много мусора было внесено в нее. Это больше не та самая кристально чистая вода, что вы можете видеть в Ганготри, где рождается Ганг. Сейчас община Будды подобна Гангу поблизости от Варанаси — грязный, с плавающими трупами, в него льется масса всякой грязи. Но она еще жива. Многие же полностью исчезли.

Например, не выжила коммуна Лао Цзы, не выжила коммуна Заратустры. Да, есть немногие последователи, но они не коммуна, не община. Не выжили коммуны Сарахи, Тилопы, Атишы. Они все создавались, но общество действительно такое большое, огромное, сильное. И, пока Мастер жив, коммуна, может быть, сумеет выжить: но однажды Мастер уходит, общество начинает разрушение общины всеми возможными способами.

Атиша говорит:

Чтобы не быть разрушенным, медитируй на три вещи.

А третье — дхамма, истина. Мир против истины, мир живет во лжи. Ложь такая комфортабельная, такая безопасная и уютная. И вы можете создать ложь, созвучную вам самим, созвучную вашей нужде. Истина никогда не согласуется с вами, вы должны согласовываться с истиной. А это трудно. Многое должно быть отсечено от вас, чтобы вы смогли принять истину.

Ваше эго должно будет отброшено, чтобы вы смогли войти в храм истины.

Ложь превосходна, прекрасна, дешева, везде применима. Вы можете пойти и купить полный мешок лжи, столько, сколько вам захочется. Самое лучшее в ней то, что она всегда согласна с вами; она не требует от вас ничего. Она очень дружелюбна; она никогда ни в чем от вас не нуждается; она никогда не требует, не просит что-то совершить. Она готова служить вам.

Истина не может служить вам, вы должны будете служить истине. Атиша дает вам великое прозрение.

Это необходимо запомнить, в особенности моими саньясинам, над этим нужно медитировать. Будда здесь, создается коммуна, истина начинает передаваться. Сейчас самое важное для вас - помочь ей выжить, защитить ее, чтобы она могла долго жить и служить человечеству.

И последняя сутра:

Сделай три неразлучными с добродетелью.

Пусть это будет вашей добродетелью, вашей религией: служение Будде, служение коммуне, служение истине. Пусть только это будет вашей добродетелью, вашей единственной религией.

ГЛАВА 2. ИЗГНАНИЕ С ОЛИМПА

Первый вопрос:

Ошо, как останавливаться?

АНАНД СОМЕН, жизнь не идет куда-то; это не ее цель, не предназначение. Жизнь не-нацелена, она просто есть. Если это понимание не пронизывает ваше сердце, вы не можете остановиться.

Остановка не есть вопрос некого «как»; это не вопрос техники или метода. Мы сводим все к «как». Великий «как-изм» охватил собой весь мир, и каждый человек, особенно нынешний современный ум, превратился в «какера»: как делать это, как делать то, как увеличить богатство, как быть удачливым, как влиять на людей и приобретать друзей, как медитировать, даже как любить. Недалек тот день, когда какой-нибудь глупый парень соберется спросить, как дышать.

Это вообще не вопрос «как». Не сводите жизнь к технологии. Жизнь, сведенная к технологии, теряет весь аромат радости.

Я просмотрел недавно одну книгу; у этой книги смешное название: «Вы должны расслабиться». Это «должны» становится проблемой. Это «должны» возникает потому, что никто не в состоянии расслабиться. Теперь другое «должны» нагромождается над всеми остальными — «Вы Должны Расслабиться» — и это создаст в вашей жизни еще большее напряжение. Попробуйте расслабиться, и вы обнаружите, что вы чувствуете большее напряжение, чем когда бы то ни было. Старайтесь усерднее, и вы почувствуете все большее и большее напряжение.

Расслабление не следствие, не результат какой-то деятельности, это пламя понимания.

Это первая вещь, которую я хотел бы рассказать вам: жизнь бесцельна. Очень трудно принять это. А почему так трудно принять, что жизнь бесцельна? Это трудно, потому что без цели эго не может существовать. Трудно представить, что жизнь не имеет цели, ибо без какой-нибудь цели пропадает весь смысл ума, эго.

Эго может существовать только целеустремленным образом; ум может существовать только в будущем. Цель приносит будущее; цель создает пространство для движения мыслей, возникают желания. А потом, естественно, спешка, ибо жизнь коротка. Сегодня мы здесь, а завтра мы уйдем — может быть, в следующую секунду.

Жизнь коротка. Чтобы цель была достигнута, необходимо спешить. И неизбежно беспокойство, постоянное беспокойство: «То ли я собираюсь сделать, или не то?» — дрожь в сердце, сотрясение основ. Вы почти постоянно будете оставаться во внутреннем землетрясении; вы будете всегда на грани нервного срыва. Имейте цель, и рано или поздно вы кончите в кабинете психиатра.

Моя точка зрения такова, что жизнь бесцельна. Это точка зрения всех Будд. Все просто есть, нет причин. Все просто есть, предельно бессмысленно, абсурдно. Если это понято, тогда куда спешить, для чего? Тогда вы начинаете жить от-момента-к-моменту. Тогда этот момент дан вам, милостивый дар Бога, или целого, как бы вы ни захотели назвать это — Дао, дхамма, логос.

Этот момент вам доступен: пойте песню, живите в нем тотально. И не пытайтесь пожертвовать этим моментом ради тех, что собираются прийти в будущем. Живите им ради него самого.

Говорят — искусство ради самого искусства. Может быть, это так, может быть, нет — я не занимаюсь искусством. Однако я могу сказать вам: Жизнь — ради самой жизни. Каждый

момент исключительно ради него самого. Жертвовать им для чего-то еще глупо. Однажды привычка жертвовать утвердится и этот момент вы пожертвуете для следующего, а следующий для следующего, и так далее, и тому подобное — этот год для следующего года, а эту жизнь для следующей жизни! Тогда это просто логический процесс.

Однажды вы сделали первый шаг, затем началось целое путешествие, путешествие, ведущее вас в страну мотов, путешествие, делающее вашу жизнь пустыней, саморазрушительное, самоубийственное путешествие.

Живите в моменте ради чистой радости жизни. Тогда каждый момент имеет качество оргазма. Да, это оргазмично.

Именно так должны жить мои санньясины, не по обязанности, не из чувства долга, не по принуждению, не по заповедям. Вы здесь со мной не для того, чтобы превращаться в мучеников, вы здесь со мной, чтобы наслаждаться жизнью в ее полноте. Есть только один способ жить, любить, наслаждаться — забыть о будущем. Оно не существует.

И если вы можете забыть о будущем, если вы можете увидеть, что его не существует, что нет смысла поддерживать себя в постоянной готовности принять его. С исчезновением будущего, прошлое, предоставленное самому себе, становится ненужным, неуместным. Мы тащим прошлое потому, что мы можем использовать его в будущем. Иначе кто будет таскать прошлое? Это не нужно. Если нет будущего, что толку таскать знание, которое дало нам прошлое? Это значит тащить бремя, которое уничтожит радость путешествия.

Позвольте напомнить вам, это чистое путешествие. Жизнь — это паломничество в никуда, из никуда в никуда. И между этими двумя «никуда» есть сейчас-здесь. «Никуда» состоит из двух слов «сейчас» и «здесь». Между двумя «никуда» есть сейчас-здесь (*Прим. перев. — Здесь игра слов: "Никуда" по-английски — «nowhere», но слова «сейчас» и «здесь» по-английски соответственно «now» и «here»*).

Это не вопрос следования определенной технике остановки, потому что если ваш изначальный подход к жизни останется тем же — целеустремленным — вы можете *пытаться* остановиться, и вы можете даже достичь успеха в останавливании, но тогда вы приобретете в вашей жизни другое напряжение. Вы должны быть постоянно насторожены, чтобы оставаться медленным, вы должны непрерывно держать себя в руках, чтобы оставаться медленным.

Ваши энергии не будут литься свободным потоком. Вы будете постоянно испуганным, потому что, если вы забудете технику, немедленно старая привычка завладеет вами. А привычка сохранится, ибо, вне всякого сомнения, привычка коренится в вашей философии жизни. Вы научились достигать: Достигни чего-нибудь!

С первого момента, когда ребенок рождается, мы начинаем кормить его отравками: честолюбие, достижение, успех, богатство, имя, слава. Мы начинаем отравление их источника бытия; мы уделяем этому много внимания. Двадцать пять лет выбрасываются на то, чтобы дать детям отравленное образование. Это одна треть жизни; она, по-видимому, потеряна. И это важнейшая треть потому что человек в двадцать пять лет уже начинает отказываться от многих путей. Высший пик его сексуальности уже прошел; он был, когда ему было лет семнадцать или около того. Около восемнадцати он был на пике своей сексуальности. Но когда ему двадцать пять, он уже стареет.

Двадцать пять лет потрачены на создание достигающего ума. Потом соперничество, конфликт. Во всех областях жизни, везде политика. Политика даже в личных, родственных, интимных отношениях: муж стремится управлять женой, жена стремится управлять мужем, дети стремятся управлять родителями, родители стремятся управлять детьми. Не позволено интимность, ибо для достигающего ума интимность невозможна. Он знает только, как *использовать* других; он не способен уважать других. Он эксплуататор. Его отношение к жизни

— это то, что Мартин Бубер называет «Я-оно»-отношение. Все сводится к товару.

Вы любите женщину: немедленно вы начинаете низводить ее до уровня товара, уменьшать ее до положения жены. А она стремится низвести вас с уровня мужчины до уровня мужа. Быть мужчиной — это что-то прекрасное, быть женщиной — это что-то божественное. Но быть женой или быть мужем просто безобразно. Любви тут больше нет, есть закон. Интимность ушла; теперь это выгодная покупка, бизнес. Теперь поэзия ушла. И теперь оба в политике: кто кем управляет?

От наиболее интимных отношений до совершенно безликих: все это одна и та же история - история «Я-оно». Вот почему мы создали безобразный мир. И это естественно, когда так много соперничества и так много соперников, Сомен, как можешь ты остановиться? Если ты остановишься, ты будешь неудачником, если ты остановишься, ты никогда не сможешь добиться успеха, если ты остановишься, ты потеряешь! Если ты остановишься, ты будешь неизвестен, если ты остановишься, ты не сможешь оставить своего следа в мире. Кто ты будешь, если ты остановишься? Все остальные не останавливаются.

Это почти так, как если вы участвуете в Олимпийских гонках и спрашиваете меня: «Как остановиться?». Если вы остановитесь, вы выбываете! Тогда вы больше не участвуете в Олимпийских гонках. А вся жизнь превращается в Олимпийские соревнования. Каждый человек соревнуется, и каждый обязан стремиться к максимуму, потому что это вопрос жизни и смерти.

Миллионы врагов. Мы живем в мире, где каждый является вашим врагом, потому что с кем бы вы ни соперничали, все они ваши враги. Они разрушают ваши возможности для преуспевания, вы разрушаете их возможности для преуспевания. В этом честолюбивом мире дружба не может цвести, любовь почти невозможна, сострадание не может существовать. Мы создали такой безобразный беспорядок, и корень этого в том, что мы думаем, что в достижении что-то есть.

И нет разницы между капиталистической страной и коммунистической страной. Это одна и та же философия. Коммунизм — это побочный продукт капитализма, так же, как христианство — побочный продукт иудаизма. Нет большого отличия, только слова разные. Игра остается той же самой, конечно, переведенной на другой язык, но игра — та же самая. Большая политика, политика с позиции силы, особенно сильна в коммунистической стране — на самом деле, она более капиталистическая — потому что мы никогда не меняем фундамента, мы только продолжаем отбеливать стены. Вы можете их отбеливать, вы можете изменить цвет; это не производит никаких реальных различий. И это то, что мы продолжаем делать в своих личной жизни.

Один политик пришел ко мне и захотел научиться медитировать. Я спросил, зачем. Он сказал: «Зачем? Медитация дает мир, молчание, а я хочу быть молчаливым, я хочу быть исполненным мира».

Я спросил его: «Вы на самом деле хотите быть молчаливым и исполненным мира?»

Он сказал: «Да, вот почему я пришел так издалека». Тогда я сказал: «Первая вещь, которую вы должны понять — что политический ум никогда не может быть молчаливым и никогда не может быть исполненным мира. Вы должны будете выбрать. Если вы действительно хотите войти в мир медитации, вы должны будете оставить мир политики. Вы не можете ехать на двух лошадях, которые бегут в диаметрально противоположных направлениях.

Он сказал: «Это слишком! В самом деле, я пришел к вам из-за моей политической работы. В уме имеется такое большое напряжение, я не могу спать по ночам, я не могу отдыхать, я мечусь и кручусь, и целый день, и ночь тоже, продолжается все то же беспокойство из-за политики. Я пришел к вам, ибо вы можете обучить меня технике медитации, которая поможет мне расслабиться и эффективно конкурировать в мире.

Я не готов пожертвовать стольким ради медитации. Я хочу, чтобы медитация служила мне в моей политической борьбе. Я двадцать лет в политике, а я еще не стал главным министром в моем штате».

Этот человек не может медитировать. Медитация не есть нечто, что может расти на любой почве. Это необходимо основательно понять; изменение должно быть очень фундаментальным. Она нуждается в новой почве для роста; ей необходим новый образ жизни.

Медитирующий останавливается естественно, без усилия. Он не практикует это. Практикуемое никогда не является истиной; это искусственно, надуманно. Избегайте практикуемых вещей — самое большее, они могут быть представлением, они не истина. А только истина делает свободным.

Медитирующий естественно медленней. Не потому, что он стремится быть медленным, а просто потому, что некуда идти. Нечего достигать, нечем становится, становление прекращено. Когда становление прекращается, есть бытие. И бытие медленное, не-агрессивное, неторопливое. Тогда вы можете смаковать вкус каждого мгновения с тотальным присутствием; вы можете присутствовать в настоящем.

Иначе вы в такой спешке, что невозможно увидеть то, что есть. Ваши глаза сфокусированы на далекой цели, на далекой звезде; вы смотрите вдаль.

Я услышал старинную историю. Это произошло в Греции. Великий астролог, самый прославленный в те времена, упал в колодец, потому что ночью он изучал звезды. Идя по дороге, он забыл, что рядом колодец, и свалился в него.

Звук его падения и его крик... Старая женщина, жившая в хижине неподалеку, выскочила и помогла ему выбраться из колодца. Он был очень счастлив. Он сказал: «Ты спасла мне жизнь! Ты знаешь, кто я? Я королевский астролог. Мой заработок очень велик, даже короли месяцами ждут, чтобы посоветоваться со мной. Но для тебя я предскажу твое будущее. Приходи завтра утром ко мне домой, и я не возьму никакой платы.

Старая женщина рассмеялась и сказала: «Послушай, забудь об этом. Ты не видишь даже того, что у тебя под ногами — как можешь ты видеть мое будущее?».

Таково положение миллионов людей на этой земле. Они не могут видеть то, что есть; они одержимы тем, как должно бы быть. Навязчивая идея, которой страдает человечество — «как должно бы быть». Это качество безумия.

По-настоящему здоровый человек не имеет отношения к тому, как должно бы быть. Его отношение целостно, непосредственно, как есть. И вы будете удивлены: если вы входите в непосредственность, вы найдете там высшее. Если вы двигаетесь в то, что так близко, вы найдете в этом все далекие звезды. Если вы двигаетесь в настоящее мгновение, вся вечность в ваших руках. Если вы знаете ваше существо, нет вопроса становления. Вы уже являетесь тем, чем бы вы ни мечтали стать.

Вы боги, забывшие, кто они есть. Вы императоры, которые заснули и видят во сне, что они стали нищими. Теперь нищие стремятся стать императорами — во сне, прилагая огромные усилия, чтобы стать императорами. А все, что необходимо — проснуться!

И когда я говорю проснуться, где вы можете проснуться? В будущем? В прошлом? Прошлого нет больше, будущего нет еще — где вы можете проснуться? Вы можете проснуться только сейчас, и вы можете проснуться только здесь. Здесь только мгновение, здесь только реальность, реальность, что всегда была и всегда будет.

Измените вашу основную философию достижения. Расслабьтесь в своем существе. Не имейте никаких идеалов, не стремитесь стать кем-то вне вас самих. Не стремитесь усовершенствовать Бога, вы совершенны такие, как есть. Вы совершенны со всеми вашими несовершенствами. Если вы несовершенны, вы совершенно несовершенны. Но это совершенство.

Раз это понято, куда спешить? Где беспокорство? Вы уже остановились. И тогда это утренняя прогулка без цели, в никуда. Вы можете наслаждаться каждым деревом, каждым солнечным лучом, каждой птицей, каждым человеком, проходящим рядом.

Второй вопрос:

Ошо, есть ли какие-то реальные различия между разными расами, национальностями, и так далее, и тому подобное?

РАМАНАНДА, нет реальных различий, их не может быть. Все различия поверхностны.

Еврей не отличается от индуса, мусульманин не отличается от христианина, китаец не отличается от американца, негр не отличается от англичанина.

Человек един, различия поверхностны. Да, они очевидно есть. Негр есть негр: у него черная кожа, он выглядит иначе, чем белый человек. Но это не то отличие, которое имеет существенное значение. Отличие так мало: просто немного больше черного пигмента в коже, оно не стоит больше четырех анна (*мелкая монета в Индии — прим, перев.*) — это просто отличие, четыре анна. И помните: у него не меньше, а на четыре анна больше, чем у белого человека.

Но отличие в цвете кожи не есть различие. Или отличие длины вашего носа. Просто потому, что вы имеете длинный нос, еврейский нос, вы не стали народом, избранным Богом. Или просто потому, что вы рождены в Индии, вы не стали приверженцем той или другой религии.

Это все глупые идеи. Но эти глупые идеи продолжают существовать в мире; и не только существуют, но и приносят человечеству великие бедствия. Они очень приятны для эго. Индуист думает, что он самый религиозный в мире, его страна самая святая. Какой вздор вы продолжаете нести! Страны отделены только на политических картах. Однако это все же одна земля. Только тридцать лет назад Карачи и Лахор были одной областью — только тридцать лет назад, но сейчас они в Пакистане и очень разобщены. Теперь индийцы не могут представить место, более разобщенное, чем Карачи и Лахор; разобщеннейшее из разобщенных. А они были частью единой области. Всего лишь маленькое изменение в политике, линия нарисована на карте — не на земле; земля все еще неразделена.

Я слышал историю. Когда Индия и Пакистан собирались разделиться, прямо на границе раздела стоял сумасшедший дом. И никто особенно не интересовался принадлежностью этого сумасшедшего дома, ни Индия, ни Пакистан. Но он должен был кому-то отойти! Поскольку политиков это совершенно не интересовало, было решено: «Спросить самих сумасшедших, куда они хотят отойти?».

Великое собрание. Собрали тысячу сумасшедшие и спросили их: «Куда вы хотите идти?». А они ответили: «Мы не хотим идти куда бы то ни было, мы просто хотим оставаться здесь.».

Снова и снова, разными способами, им объясняли: «вы никуда не пойдете, вы останетесь здесь. Однако мы хотим узнать, куда вы хотите отойти — к Индии или к Пакистану?».

Сумасшедшие не могли поверить своим ушам. Они сказали: «Вы зародили в нас большое подозрение: это мы сумасшедшие, или вы! Если мы не собираемся никуда идти, почему мы должны решать, куда мы отойдем?».

Общение было невозможно. И вы видите, сумасшедшие люди были более правы. Они всегда более правы, чем ваши так называемые политики.

Тогда лидеры решили просто поделить посередине. И посередине сумасшедшего дома вознеслась стена. Я слышал, что до сих пор сумасшедшие вскарабкиваются на стену и смеются. Все превратилось в какой-то абсурд. Они все остались на том же самом месте, но половина

стала пакистанцами, а другая половина индийцами — их разделяет только стена. И они все еще говорят об этом: «Что случилось? Ведь мы те же самые, вы те же самые, мы не видим никакого различия! Но теперь мы враги — на самом деле мы не можем беседовать».

Различий нет. Или, если они есть, то такие маленькие, как...

Знаете ли вы, сколько надо индийцев, чтобы вкрутить лампу в патрон?

Четыре. Один держит лампу, а три его вращают.

А знаете ли вы, сколько надо калифорнийцев, чтобы заменить лампу?

Четыре. Один меняет лампу, а три обмениваются опытом.

Третий вопрос:

Сегодня я ясно увидела, что я на самом деле являюсь причиной моего собственного страдания и что я не обязана его создавать, и что-то тяжелое поднялось из моей груди, когда я увидела, что я просто ходила по кругу! Благодарю, благодарю, Ошо. Но я так боюсь стать легкой и впитывающей! Это все так смущает!

ДЕВА АШОКА, первое впечатление от свободы — всегда смущение. Первый луч света, увиденный слепым, обязательно смутит его. Для того, кто всегда жил в цепях, внезапное известие от короля, что он свободен... всегда смущает. Он приучен жить определенным образом, он развил определенный стиль жизни, он был в безопасности в своей тюрьме; он был определен. Теперь все неопределенно.

Это не только вопрос того, что сбрасываются цепи; теперь он снова будет должен смотреть в лицо большому широкому миру. Он должен будет узнавать все, что он забыл; он должен будет переучиваться. Это будет трудно. И он будет по сравнению с другими довольно неумелым. Даже прогулка по улице без цепей, к которым он приучен, будет немного странной, необычной. Он будет чувствовать неловкость.

Когда французские революционеры освободили заключенных из великой тюрьмы Бастилии, они были

удивлены. Заключенные не были готовы выйти. А это была величайшая тюрьма Франции, где содержались только люди, приговоренные к пожизненному заключению. Там были люди, которые провели в тюрьме тридцать, сорок лет, даже пятьдесят лет.

Теперь подумайте о человеке, который попал в тюрьму, когда ему было только двадцать, и который прожил в тюрьме пятьдесят лет. Он полностью забыл о мире, как он выглядит на что похож. Пятьдесят лет жизни в темной камере с тяжелыми цепями. Те цепи не были закрыты на замок, ибо нет нужды отпирать их; они сковали всю его жизнь. Они были постоянными, тяжелыми.

Пятьдесят лет он спал с этими цепями на руках и ногах; он совершенно привык к этой жизни. И еда приносится в одинаковое время, он не должен беспокоиться о ней. Еды не так много, но все же это лучше, чем ничего. Он не ответственный, ему нет нужды о чем-то заботиться, все для него сделано.

Может быть, постепенно он начал думать, что он не заключенный, но король, чьи потребности удовлетворяются. Остальные люди всячески заботятся. Может быть, постепенно он убеждал себя, что люди стоят на страже не для того, чтобы предотвратить его побег, но они являются его телохранителями.

И это естественно. Когда вы живете пятьдесят лет в тюрьме, вы должны создать какие-то объяснения, какие-то галлюцинации, какие-то прекрасные теории. Мы все делаем вещи,

подобные этой.

А затем однажды, внезапно пришли революционеры и заставили узников выйти. Они не были готовы — заключенные с боем вернулись назад. Нужно понять это. И даже когда они были освобождены против их воли, пятьдесят процентов из них вернулись назад ночью, чтобы, по крайней мере, спать в своих камерах. Где они могли бы спать?

Случилась еще одна вещь, одна еще более важная вещь. Они потребовали свои цепи, потому что они не могли спать без них. Пятьдесят лет сна с этим тяжелым грузом цепей. Это может начать звучать как музыка — переворачивание ночью, и цепи, и звук. А теперь, без цепей, они, должно быть, чувствовали такую легкость, что сон был невозможен.

Таково положение всех человеческих существ. Мы воспитаны таким образом, что мы только *верим*, что мы свободны, но мы не свободны. Пока существуют нации, нет человека, по-настоящему свободного. Пока политики продолжают руководить человечеством, мир будет оставаться в рабстве. Они продолжают внушать вам, что вы свободны. Это не так. Вокруг вас тысяча и одна стена — может быть, они очень прозрачные, так что вы можете смотреть сквозь стены, и это дает вам ощущение, что вы свободны, но вы не свободны.

Пока есть религии в вашей голове — христианство, индуизм, ислам, джайнизм, буддизм — вы не свободны.

Ум не может быть свободным. Свобода означает свободу от ума; только не-ум знает вкус свободы. Но быть неумом так рискованно; вы должны будете потерять все, что стало привычным, все, к чему вы так привязались. Все ваши навязчивые идеи содержатся в вашем уме: ваши философии, ваши религии, ваши понятия, ваши теории — все содержится в вашем уме. Если вы отбрасываете свой ум — в этом и есть медитация, отбрасывание ума — вы будете чувствовать себя так, будто вы ограблены, будто вас внезапно выгнали голым, будто внезапно внутри вас стало пусто. Вам будет не хватать этой прежней наполненности, хотя это была только рухлядь. Но это людская идея, что лучше иметь что-то, чем ничего, чем бы это ни было.

Даже быть несчастным лучше, чем быть ничем, лучше даже чувствовать боль, чем быть ничем. Люди так боятся быть никем. А ничто означает свободу. Ничто означает — нет вещи, нет тела, нет ума.

И когда приходит первый проблеск — просто дуновение не-ума, небольшой ветерок издали — Ашока, это смущает. Зачаровывает и смущает одновременно. Зовет вас восстать из могилы, а это все еще жутко.

Но теперь, когда призыв услышан, к нему нужно проявить внимание. Когда ты увидела маленький проблеск того, что ты творец своего собственного несчастья, тебе будет очень трудно продолжать создавать его. Легко жить в несчастье, когда ты знаешь, что его создают другие — что ты можешь сделать? Ты беспомощна. Вот почему мы продолжаем перекладывать ответственность на других.

Есть люди, думающие, что они несчастны из-за прошлой кармы, кармы прошлой жизни. Вся идея так глупа: полежите руку в огонь сейчас и вы обожжетесь в следующей жизни.

Жизнь непосредственна. Вот что такое жизнь — непосредственность. Жизнь никогда не откладывает. Вы делаете что-то прекрасное, и этим самым деланием вы вознаграждены, вы не должны будете ждать награды многие жизни. Вы делаете что-то безобразное, и в самом этом действии есть наказание. Наказание неотделимо от действия.

Это одна из самых фундаментальных вещей; вы должны понять. Я против всякой идеи кармы: это стратегия ума по перекладыванию ответственности на прошлое. А раз ответственность переложена на что-то — что бы это ни было, X, Y, Z, неважно что — вы можете отдыхать в вашем несчастье и вы можете оставаться несчастными. Что вы можете сделать? Вы начинаете чувствовать себя жертвой. Прошлое не может быть изменено. Что сделано, то

сделано; вы теперь не можете уничтожить сделанное. Вы должны признать это.

Восток так страдает из-за этой глупой идеи кармы. Люди бедны, и они говорят: «Что мы можем сделать?» Они голодают, умирают, и они продолжают думать: «Что мы можем сделать?» Они сделали что-то неправильное в прошлом, они должны страдать из-за этого. Это великое изобретение священников, чтобы люди жили в страдании и даже радовались этому, не беспокоясь о существующем положении вещей

Величайшая антиреволюционная идея есть идея кармы. Вот почему в десяти тысячелетней истории Индии не было революций. Если только индийский ум не изменится полностью, здесь не может быть революции. Революция кажется абсолютно не-индийской. Индийское сознание настолько обременено идеей кармы, прошлого, что вы не можете поднять никакого восстания.

Это странно. Одна из самых древних стран в мире, и никогда не случалось революции. А люди, такие, как Будда, Атиша, Кабир, ходили по этой земле, и все же не произошло ни единой революции. Да, революционеры были — Будда революционер — но на страну это не повлияло.

Несомненно, буддизм исчез из этой страны по той простой причине, что он был слишком революционным. Он не подошел конформистскому уму страны. Он не подошел к идее принятия всего, что бы то ни было, идее: «Ничего нельзя сделать, нет надежды».

Люди продолжают перекладывать ответственность на прошлое, или на судьбу, *кисмет*, или на Бога. А если эти вещи устарели, тогда социальная структура или экономический строй общества, капитализм, коммунизм или фашизм — они нуждаются в каком-то оправдании для того, чтобы они могли оставаться свободными, свободными от пробуждения к осознанию: «Я ответствен за мое страдание и никто другой». Даже если люди отбрасывают Бога, общество, карму и так далее, они начинают искать новые пути. Фрейдисты скажут вам, что вы страдаете из-за бессознательного. Фрейд говорит, что для человека нет надежды, человек всегда останется страдающим. Все, что мы можем сделать — это обеспечить ему нормальный уровень страдания; это все, что может быть сделано. Согласно Фрейду, лучшее, что можно сделать — удерживать страдание в определенных рамках, это все. Люди останутся страдающими. Нет надежды на человечество, исполненное блаженства. Почему? Из-за бессознательного. Бессознательные инстинкты конфликтуют с обществом.

И Фрейд говорит, что если вы предоставите бессознательным инстинктам полную свободу, тогда общество, культура, цивилизация исчезнут, и вы вернетесь в мир джунглей, и вы будете страдать.

Или, если вы допускаете, чтобы общество контролировало вас, подавляло ваши бессознательные инстинкты, тогда вы в состоянии конфликта между вашим бессознательным и социальными установлениями. И из-за этого конфликта вы остаетесь страдающими. Кажется, нет выхода.

По-настоящему религиозный человек — тот, кто прекращает поиск оправданий для своего страдания. Необходима сила воли, чтобы признать, что «Я ответствен», что «Это мой выбор, я выбрал мою жизнь таким образом», что «Моя свобода здесь, всегда была здесь, свобода выбирать, чего бы я ни хотел. Я могу выбрать страдание, я могу выбрать блаженство».

Человеческая душа состоит из свободы. Я учу вас свободе. Но свобода означает принятие ответственности, полной ответственности за вашу жизнь, не перекладывая это на кого бы то ни было.

Ашока, нечто прекрасное происходит с тобой, что-то огромное, значительное. Обними его. Не чувствуй смущения — обними его. Полюби его, взлелей его, пригласи его, сама истина постучалась в твою дверь.

Ты говоришь:

Сегодня я ясно увидела, что я на самом деле являюсь причиной моего собственного

страдания и что я не обязана делать это, и что-то тяжелое поднялось из моей груди, когда я увидела, что я просто ходила по кругу! Благодарю, благодарю, Ошо. Но я так боюсь стать легкой и впитывающей!

Я могу понять это. Трудно отбрасывать цепи, тюрьмы, зависимости, рабства. Мы так много вкладывали в них, и так долго. Я могу понять.

Ты говоришь: *Это все так смущает!*

Верно. Но, спокойно, теперь возврата нет. Даже если ты хочешь вернуться, то не вернешься. Этот проблеск будет являться тебе, этот проблеск будет следовать за тобой как тень, этот проблеск будет напоминать тебе снова и снова: «Ашока, ты ответственна, и ты делаешь это снова. Смотри. Ты опять выбираешь страдание, когда доступна другая возможность».

Один суфийский мистик, который всю свою жизнь оставался счастливым — никто никогда не видел его несчастным — который всегда смеялся, который был смехом, чья вся жизнь была ароматом праздника... В старости, когда он умирал — на смертном ложе, и все же наслаждаясь смертью, весело смеялся — ученик спросил: «Ты озадачиваешь нас. Ты сейчас умираешь. Почему ты смеешься? Что здесь смешного? Мы чувствуем такую печаль. Мы хотели много раз за твою жизнь спросить тебя, почему ты никогда не грустишь. Но теперь, перед лицом смерти, по крайней мере, ты должен печалиться. Ты все еще смеешься! Как ты это делаешь?»

И старик ответил: «Есть простой ключ. Я спросил моего Мастера. Я пришел к моему Мастеру молодым человеком; я был только семнадцатилетним, но уже страдающим. А мой Мастер был стар, семидесяти лет, и он смеялся, сидя под деревом, вообще безо всякой причины. Никого не было, ничего не произошло, никто не отпустил шутку, ничего. А он просто смеялся, держась за живот. И я спросил его: «Что с тобой? Ты что, сумасшедший?»

Он ответил: «Однажды я тоже был так же печален, как ты. Затем на меня снизошло, что это мой выбор, моя жизнь».

С того дня каждое утро, когда я встаю, первое, что я решаю, перед тем, как открою глаза — я говорю себе: «Абдулла, чего ты хочешь? Несчастья? Блаженства? Что ты собираешься выбрать сегодня?». И так случается, что я всегда выбираю блаженство.

Это выбор. Испробуй его. Когда в первое мгновение утра ты начинаешь осознавать, что сон прошел, спроси себя: «Абдулла, следующий день! Какова твоя идея? Ты выбираешь несчастье или блаженство?».

Кто способен выбрать несчастье? И *зачем*? Это так неестественно — если только не ощущать блаженство в несчастье, но тогда ты тоже выбираешь блаженство, а не несчастье.

Это было хорошо, Ашока. Теперь дай этому прозрению пустить в тебе корни. Помогите ему. Мало-помалу ты будешь становиться все более и более созвучной этому новому чувству жизни и существования. Это созвучность. А раз ты узнала, как быть в гармонии с твоим внутренним блаженством, ты станешь осознавать все более высокие вершины блаженства. Кульминации за кульминациями, вершины за вершинами. Одна вершина ведет к другой, одна небольшая гармония приоткрывает дверь для большей гармонии и далее, в бесконечность.

Четвертый вопрос:

Ошо, я так порадовался созданному вами слову

"Итак далее нанды» («Etceteranandas»). Удивительно, как вам это удалось!

ЭТО ПРОСТО. Вы можете пойти и посмотреть на множество святых в Индии, и вы найдете, что они не имеют ни индивидуальности, ни уникальности, ни оригинальности, ни аромата. Они

граммофонные пластинки — Голос Их Мастера — просто повторяют писания как попугаи. Они имитаторы, псевдо, пластмасса. Ничего не случилось с ними.

Я не говорю, что они не святые; они *действительно* святые, но ничего не случилось с ними. Их святость — просто выработанный жест, это не происшествие. Они обладают характером — безусловно, они имеют характер, я не отказываю им в этом — но их характер подобен одеянию; это просто крышка. Глубоко внутри они прямая противоположность этого. На поверхности сознательного ума они святые, но они грешники в бессознательном. И это окончательно в глубинах бессознательного — оно более значительно, чем поверхностное сознание.

Вы не можете быть святым, если вы не подавляете грешника. А когда вы подавляете грешника, он идет глубже в вашу сущность. Итак, эти святые в постоянном конфликте, род гражданской войны, бой с самим собой. Вы можете видеть, что у них нет в жизни никакой пикантности; у них нет для этого никакой энергии; у них нет никакой веселости. Как они могут быть веселыми? Вся их жизнь есть внутренний конфликт, исполненный страдания. Они не могут быть легкими, они не могут расслабиться, потому что они испуганы — если они расслабляются, появляется грешник, если они расслабляются, грешник поднимает голову. Они должны постоянно подавлять это.

Помните, если вы что-то подавляете, вы должны подавлять это постоянно — день за днем, год за годом. И проблема не разрешается подавлением. Несомненно, это становится все более и более острым, хроническим, потому что то, что, подавляется, становится все более сильным. Оно набирает энергию, становится опухолью внутри вас.

И вы будете видеть в глазах вашего так называемого святого все больший и больший страх. Они имеют характер; они хорошие люди, они не делают ничего плохого, они следуют предписаниям общества, они выполняют ожидания почитателей.

Я называю их Итакдалеенандами, поскольку ни один Будда никогда не следует предписаниям общества, ни один Будда не имеет никакого характера. Позвольте мне повторить это: Будда не имеет никакого характера. Он не нуждается ни в каком характере, у него есть осознание. Он обладает реальной вещью — зачем ему нужен пластмассовый цветок? Если вы можете вырастить настоящие розы, зачем беспокоиться о пластмассовых? Характер есть пластмассовая роза, осознание — настоящая роза. Будда не имеет никакого характера, он имеет осознание. Он не живет по готовой программе, он живет от-момента-к-моменту из своего осознания. Он отвечает, он не реагирует.

Итакдалеенанды предсказуемы. Вы знаете, что они есть, и вы можете быть совершенно уверены, что они собираются остаться точно такими же и завтра тоже. Они мертвые люди. Вы можете от них зависеть.

Будда непредсказуем. Вы не можете сказать, чем он собирается быть завтра или в следующую секунду, потому что как только жизнь изменяется, он отвечает изменению. А жизнь постоянно меняется.

Старый Гераклит прав — он Будда — он прав, когда он говорит, что вы не можете войти дважды в одну и ту же реку. Будда никогда не повторяется; нет даже двух последовательных мгновений, когда он тот же самый. Он движется с жизнью, он река, он не стоячее болото. Он обладает уникальностью, оригинальностью. Он говорит не авторитетно, он говорит из своего собственного авторитета. И запомните разницу. Человек, говорящий авторитетно, извлекает свой авторитет откуда-то еще — из Вед, из Библии, из Корана, из традиции, из государства, из церкви. Человек, говорящий из своего собственного авторитета, извлекает свой авторитет из ниоткуда. Это его собственный опыт — а опыт самоочевиден, самоутверждающ.

Ты спросил меня, как я так выдумываю слова. Я просто не удержаться. Взгляни на какого-нибудь так называемого святого, и ты увидишь, у него на лбу написано: «Итакдалеенанда».

Когда Ной построил ковчег и пришло время собрать на борту каждой твари по паре, Ной давал имя каждой твари, как только она вступала на сходни. Когда прошло странно выглядящее животное, Ной сказал: «Эту тварь зовут гиппопотам».

Ноева жена взглянула на него и спросила: «Ной, почему в мире именно это животное, это странно выглядящее творение, ты назвал гиппопотамом?».

Ной ответил: «Ну, только одна из этих тварей, что прошли мимо, действительно выглядела как гиппопотам».

Эти люди выглядят как гиппопотамы. Я почтительно называю их «Итакдалеенанды». Это просто выражение почтения, которое я выразил словом.

Пятый вопрос:

Ошо, как мы можем, узнать разницу между сдачей и зависимостью, не только в отношениях с вами, но со всеми, кто встречается нам в жизни?

ВИРИШВАР, разница настолько абсолютно ясна, что однажды испытав опыт сдачи, ты никогда не упустишь понимания того, что есть сдача, а что есть зависимость.

Сдача есть выражение любви, зависимость есть выражение страха. Зависимость есть отношение, в котором вы страстно хотите чего-то, желаете чего-то; есть мотив. Вы готовы стать зависимым — вот почему вы стремитесь за нечто платить. Сдача не стремится к этому. Это чистая радость, это доверие, это немотивированность.

Это подобно влюбленности. И это именно влюбленность — и любовь, которая не знает границ, эта любовь полностью отличается от того, что вы обычно зовете любовью. Ваша любовь всегда есть вид зависимости. Вы становитесь зависимыми от человека, которого любите, потому что вы, несомненно, не любите, вы просто ищете кого-нибудь, чтобы уцепиться. Иначе вы чувствуете себя очень одиноко. Вы хотите избежать вашего одиночества; вы хотите кого-то, чтобы заполнить вашу внутреннюю черную дыру, вашу пустоту.

Но реальная любовь — не бегство от одиночества. Настоящая любовь есть переливающаяся через край одинокость. Она так счастлива в этой одинокости, что могла бы поделиться.

Счастье всегда хочет поделиться. Его так много, оно не может быть удержано, как цветок не может удержать свой аромат; его надо высвободить.

Сдача — высшая форма любви, чистейшая форма любви. Вы не ощутите зависимость, ибо в ней не будет цепляния. И вы не почувствуете зависимости, ибо то, что вы сдались, не будет выражением одиночества. Если вы сдались из одиночества, это вообще не будет сдачей, тогда это что-то другое.

Следующая вещь: сдача всегда случается, это не действие. Как можете вы сделать сдачу? Если вы делаете это, это не сдача. Вы делающий — а если есть делающий, тогда это может повториться в любой момент.

Сдача случается; делающий не основа. Вы просто находите себя растворенным в ком-то, в чем-то. Вы можете обнаружить себя растворенным в закате, и это сдача. Вы можете обнаружить себя растворенным в звездной ночи, и это сдача. Вы можете обнаружить себя растворенным в женщине или мужчине, и это сдача. Вы можете обнаружить себя растворенным в музыке, и это сдача. Сдача имеет много измерений, но вкус тот же самый: вы просто обнаруживаете себя растворенным. Вы просто не находите себя больше; вы чувствуете отсутствие эго.

Вы есть... Несомненно, вас так много, и все же вас нет. Присутствие и отсутствие, оба одновременно — сдача парадоксальна. Присутствие, потому что эго нет, так как вы просто

осознание; и отсутствие, потому что это нет, так как вы не можете сказать: «Я есть».

Виришвар, зависимость безобразна, сдача прекрасна. Зависимость делает вас ущемленными, сдача усилит, расширит вас. Зависимость создаст в вас желание восстать. Сдача принесет все больше и больше доверия.

Но отличие очень маленькое, тонкое, деликатное. Однажды познанное, оно нетрудно, но если вы все еще не пережили это, тогда сдача будет выглядеть как зависимость, потому что зависимость — это то, что вы знаете.

Я не могу объяснить это вам, я могу только дать несколько указаний. Утром, когда солнце только встает, просто сидите молчаливо на берегу реки. Наблюдайте его. Ничего не делайте, просто сидите молчаливо, наблюдайте его. И однажды в один прекрасный момент это случится: не будет наблюдателя, и не будет наблюдаемого. Наблюдатель станет наблюдаемым. Не то, как если бы вы были отделены от восходящего солнца — вы являетесь им.

Сядьте около дерева, просто закройте глаза, почувствуйте дерево. Обнимите дерево, просто будьте одни с ним, как если бы вы были с вашим возлюбленным. И однажды... а это непредсказуемо; я не могу сказать, что это будет случаться каждый раз. Только время от времени это будет случаться — потому что это должно случаться вопреки вам, вот почему только время от времени.

Или, любя вашу женщину, растворяйтесь в ее теле. Забудьте на секунду сексуальность, забудьте на секунду все, что продолжается в вашей голове, в вашей фантазии. На секунду просто растворитесь в реальной женщине. Не тащите в голову никакой порнографии, не делайте сексуальность чем-то мозговым. Дайте вашей сексуальности быть глубокой чувственностью, чувствительностью, силой чувства. Растворитесь в женщине, как будто вы снова дитя в материнской матке. Если вы не знаете этого с вашей возлюбленной, вы не знаете вашу возлюбленную. Дитя снова в материнской матке, в совершенном единстве, все расстояния исчезли — и в это мгновение вы узнаете, что есть сдача.

Но мужское это где-то создает беспокойство. Даже будучи с вашей женщиной, вы стремитесь управлять ситуацией. Даже в нашем языке есть безобразное выражение: «заниматься любовью». Как вы можете заниматься любовью? Никто не может заниматься любовью. Но это выражение входит в язык не без причины. Люди стремятся заниматься любовью; даже в любви они являются делающими. Упускается такая величайшая возможность познания сдачи.

И теперь у вас есть руководства: «Как заниматься любовью и достигать тотального оргазма». Люди читают эти руководства и следуют инструкциям. Я знаю кучу глупых людей, которые занимаются любовью со своей женщиной, а на спинке кровати имеется руководство, и они продолжают смотреть в него: «Как делать тотальный оргазм».

Несколько моментов в жизни, когда вы не делающий, когда вы не знающий, когда вы просто ЕСТЬ, и у вас появится вкус. Это может прийти через прекрасное, это может прийти через поэзию, это может прийти через музыку, это может прийти через такое множество дверей.

У Бога есть много дверей в ваш храм.

Но, Виришвар, я чувствую, что ты знаешь только зависимость. Поэтому возник вопрос. Тот, кто узнал сдачу, не может задать вопрос.

Теперь, расслабься на несколько секунд — они могут быть в любой ситуации. Плавая в реке, расслабься вместе с рекой, или, загорая на пляже, расслабься вместе с солнцем — неважно. Жизнь полна возможностями. Вспомни Атишу. Он говорит, что жизнь полна возможностями, жизнь — удобный случай. Не жди возможности, возможность уже здесь. Но вы должны научиться полностью другому роду осознания — не делающего, но такому качеству осознания, которое просто существует — это простое осознание, невинность.

И это случается так часто с вами здесь, пока вы слушаете меня. В паузах, когда я временами

останавливаюсь... это здесь. Пейте это.

Последний вопрос:

Ошо, я хочу жениться. Пожалуйста, дайте мне свое благословение.

ПРАБХАТ, ты, должно быть, совсем рехнулся?

Любви достаточно; брак ничего не обещает добавить к ней. В самом деле, почему вы так спешите закончить такое прекрасно переживание? Ждите. Когда вы видите, что любовь кончается, вы можете жениться.

Священник получил это благодарственное письмо от жениха, когда тот женился: «Многоуважаемый, я хочу поблагодарить вас за прекрасный способ, которым вы привели мое счастье к завершению».

Прабхат, ты так молод, тебе только двадцать два. Заключать брак следует, только когда ты достаточно мудр. Брак не для молодых. Для молодых это полная глупость. Брак — для тех, кто ощутил жизнь многими способами, кто увидел все ее цвета, весь ее спектр, и теперь готов определиться.

Мое собственное убеждение состоит в том, что никто не должен вступать в брак до сорока двух лет. Когда с вами уже случился ваш первый инфаркт, тогда вступайте в брак. Перед этим — слишком рано и глупо. Но вопрос возник, может быть, потому, что тебе только двадцать два и ты глуп.

Пятилетний Стивен: «Ты невинна?» Четырехлетняя Сьюзан: «Нет, еще нет».

Это требует времени. Ты так молод: подожди немного. Когда ты устанешь — когда ты устанешь от приключений, когда ты устанешь от твоей свободы, когда ты устанешь от своей открытости жизни и ее миллионам возможностям — тогда ты можешь жениться. Но зачем сейчас?

Студент в высокогорье ищет работу на лето:

«Нет ли лишней работы?».

Фермер: «Ну, ты можешь попробовать подоить быка».

Так будет лучше, Прабхат. Ты ищешь лишнюю работу.

Люби, и люби так глубоко, насколько возможно. И если любовь сама станет браком, это другое дело, совсем другое. Если любовь сама по себе становится такой интимностью, что это прочно, это другое дело, это не официальное оформление.

Официальные оформления необходимы только когда вы боитесь. Вы знаете, что вашей любви недостаточно; вы нуждаетесь в официальной поддержке. Вы знаете совершенно точно, что вы можете сбежать или женщина может сбежать, поэтому вам нужен полицейский, чтобы удержать вас вместе. Но это безобразно, если нужен полицейский для того, чтобы вы были вместе. Вот что такое брак!

Я могу благословить вашу любовь, но я не могу благословить ваш брак. Если ваша любовь сама по себе брак, тогда все мои благословения с вами. Если это не так, подожди. Не спеши. Лучше подождать, чем потом раскаяться.

ГЛАВА 3. ТРЕХСТУПЕНЧАТАЯ ЛЕСТНИЦА ЛЮБВИ

Первый вопрос:

Ошо, я часто обдумывал вопросы, которые мне казались значительными. Каждый раз вопрос исчезал сам по себе или казался абсурдным при зрелом размышлении. Парадокс в том, что слова исчезают, а знак вопроса остается.

АНАНД ШАНТАМ, знак вопроса должен остаться навсегда, потому что знак вопроса не имеет никакого отношения к вопросу в целом. Он связан с самим таинством жизни. Жизнь никогда не познается, она всегда остается тайной, вопросительным знаком — и вопросительным знаком, который не может исчезнуть. Он в самой природе существования, он самый центр существования, нет способа найти какой-то ответ, объяснение этому.

Вот почему философия терпит неудачу, а поэзия достигает успеха. Вот почему математика терпит неудачу, а музыка достигает успеха. Вот почему логика всегда отстает, а любовь достигает, приходит.

Знак вопроса невероятно значителен. Все вопросы — вздор. И все вопросы рано или поздно исчезают, они должны исчезнуть, поскольку все вопросы имеют ответы. Если вы можете сформулировать вопрос, вы можете найти на него ответ, но знак вопроса — не ваша формулировка. Он здесь: он на каждой листке дерева, в каждой песне птицы. В каждом облаке, в каждой звезде, в каждом атоме — знак вопроса.

Жизнь — не проблема, а таинство. Проблема — это то, что может быть разрешено, по крайней мере, теоретически. Таинство — это то, что может быть прожито, но никогда не может быть разрешено.

Старинная хасидская история:

Старый хасидский Мастер спросил одного из своих учеников: «Что мы имеем в виду, когда используем слово «Бог?»».

А ученик не отвечал, не смотрел в глаза Мастера. Со склоненной головой, стыдясь самого себя, он промолчал.

Вопрос был задан снова. И снова. Трижды спрашивал Мастер. Еще и еще раз спрашивал Мастер, еще молчаливей становился ученик. А молчание было очень неловким. Ученик обязан уважать вопросы Мастера — а сейчас он как будто и не слышал; от ученика нет ответа. Мастер стал сердиться и раздраженно спросил: «Почему ты не отвечаешь мне? Что мы подразумеваем под словом «Бог», когда употребляем его?».

И ученик сказал: «Потому что я не знаю. Как я могу знать? Я не знаю Бога!».

А Мастер засмеялся, смехом, который может случиться только с тем, кто пришел. Он сказал: «А ты думаешь, Я знаю?».

Кто знает? Кто когда-либо знал? Но Бог все еще есть, и Бог все еще должен быть определен.

Кто сказал тебе, что Бог есть объект познания? Бог не есть объект познания. Бог вообще не объект. Бог — это молчание, наполняющее тебя, когда растворяются слова. Бог — знак вопроса, остающийся, Шантам, когда вопросы уходят, испаряются. Бог есть таинство — неразрешимое.

Я здесь не для того, чтобы давать ответы, я здесь для того, чтобы провоцировать в вас вопросительный знак, окончательный вопросительный знак. Это не вопрос, запомните; окончательный вопросительный знак не есть вопрос. Вопросы нет. Просто вы встречаете нечто

невыразимое, неопределимое, бесконечное, вечное, без начала и конца, без возможности охватить, понять это. Наоборот, Бог — единое, которое окружает вас, Бог — единое, которое охватывает вас. Бог — единое, для которого вы ни вопрос, ни знак вопроса.

Постепенно учитесь жить в таинстве, тайне. Ум все время жаждет все разгадать; есть глубокое стремление ума к разгадыванию. Почему? Потому что он может контролировать, только когда что-то разгадано. Таинство начинает контролировать его, поэтому ум бежит от тайн. Ум хочет объяснений, потому что когда что-то объяснено, этим можно манипулировать; когда что-то больше не является тайной, тогда ум — хозяин. Перед тайной ум чувствует себя бессильным. Чем больше тайна — тем более бессилён ум.

Но там, где возникает молитва, возникает медитация, и все это прекрасно. Вот когда ощущается истина. Ум — не дверь к истине, он дверь к власти.

Лорд Бэкон прав, когда он говорит: «Знание — власть». А ум — искатель власти; ум всегда за власть, все большую и большую власть. Поэтому ум мало-помалу так тесно соединился с наукой, что стал наукой. Наука есть поиск власти. Тогда наука автоматически сводится к технологии. Что такое технология? Как управлять природой. Это «как» и есть технология; знать, как (know-how буквально «знать, как» — прим, перев.) — это технология. Наука изготавливает чертеж, наука дает идею, как разгадать существование, а затем технология это выполняет.

Религия — не от ума, религия от сердца. Ум рождает вопросы, сердце знает только окончательный знак вопроса.

Это прекрасно, Шантам, необычайно важно, что ты стал осознавать это явление, что вопросы приходят; сначала они выглядят значительными, но затем они распадаются. Если ты способен ждать, все вопросы исчезают; нет необходимости куда-то идти, спрашивать. Ум — это способность к созданию определенного вопроса и также способность к поиску ответа — в самом деле, если вы препарируете вопрос глубоко, вы найдете, что в нем скрыт ответ. Ответ всегда есть в вопросе. Вопрос — только одна из форм ответа; вопрос только начало ответа. Вопрос — семя, а ответ будет побегом — семя содержит побег.

Если вы немного подождете, если вы хотя бы чуть-чуть терпеливы, если вы позволяете вопросу идти внутрь вас, вы способны разрешить его. Или он будет разрешен, или вы придете к пониманию, что это вздор, абсурд. Есть абсурдные вопросы, которые не могут быть разрешены — а они вовсе не тайны, запомните, это просто вздорные вопросы.

Например, лингвистически это может выглядеть совершенно безукоризненно, грамматически это может выглядеть совершенно безукоризненно, но вместе с тем это может быть абсурдом. Например, вы можете спросить: «Что такое запах красного цвета?». Лингвистически, грамматически этот вопрос не имеет изъяна. «Что такое запах красного цвета?». Вопрос может быть поднят, но если вы посмотрите в него глубоко... это не вопрос, это просто вздор. Цвета не имеют никакого отношения к запахам; здесь вообще нет связи. Краски есть краски, запахи есть запахи; ни запахи не имеют красок, ни краски не имеют запахов.

Это все равно, что спросить: «Как увидеть музыку?». Вопрос выглядит безукоризненно: Как увидеть музыку; Но музыка не есть то, что можно видеть, это не объект для глаз; она может быть только услышана, не увидена. Красота может быть увидена, но не может быть услышана.

Мы можем создать тысячу и один абсурдный вопрос. И люди будут тратить века, и так называемые мудрецы тоже. В средние века весь христианский мир был так заинтересован и происходила такая полемика по такому вздорному вопросу, как: «Сколько ангелов может уместиться на острие иглы?». Великие теологи написали великие трактаты по этому вопросу.

Несомненно, что так называемые образованные люди всегда ниже очень глупых людей. Их образованность — ни что иное, как прикрытие внутренней глупости. Они поднимают большой шум из ничего, много шума из ничего. Они способны — это верно — способны создавать такие

вздорные вопросы. По крайней мере, они способны придавать своим дурацким вопросам видимость разумности.

Сколько существует адов? Во времена Будды этот вопрос стал таким важным в Индии. Индуисты верили в три ада. Джайны начали верить в семь адов. А потом был настоящий человек прозрения, Санджайя Вилетхипутта, который, должно быть, был способен посмеяться над нелепостями. Он сказал: «Кто говорит семь? Я точно посчитал: их семьсот!».

Он должен был быть мудрым человеком. Он просто подшутил над этой абсурдной полемикой. Сколько адов? Сколько небес? Сколько ангелов? Когда Бог создал мир? Почему Бог создал мир? Все это нелепые вопросы: вы не можете разрешить их, потому что в первую очередь это не вопросы. И они также не тайны, ибо тайны не могут быть сформулированы словами. Это только знак вопроса, вопросительный знак в молчаливом сердце, просто великое удивление, чудо, благоговение. И тогда все и вся вызывает трепет.

Позволь этому знаку вопроса обосноваться в тебе. Значительные вопросы будут разрешены, значимость будет понята как чепуха, а потом, в завершение, останется только знак вопроса.

Я счастлив, Шантам.

Ты говоришь: *Парадокс в том, что слова исчезают, а знак вопроса остается.*

Радуйся! Празднуй! Это великое мгновение, это дверь в божественное.

[Читать полный вариант книги](#)